

## НЕЗАВИДНОЕ МЕСТО УЧЕНОГО: АНТРОПОЛОГИЯ, ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО И АВСТРАЛИЙСКИЕ "ОБЩЕСТВА"<sup>1</sup>

Лоран Дуссэ, Кэти Гласкин

**А**нтропологи, работающие в настоящее время в Австралии, находятся в сложной ситуации как с политической, так и с моральной точки зрения. Им часто приходится выступать в роли связующего звена между так называемыми "аборигенными" группами, государством с его структурами, а также организациями и предприятиями самого различного профиля. Антропологи, будучи настоящими переводчиками (в культурном, а порой и в лингвистическом смысле), благодаря своим умениям и опыту, оказываются в ситуациях, в которых их работа не ограничивается лишь сбором информации, теоретизированием и созданием эпистемологического инструментария. От них нередко требуется непосредственное и серьезное участие в жизни и судьбе обществ, в которых они работают.

Выступая в роли экспертов, привлекаемых представителями судебной власти и органами местного самоуправления, или же в роли советников при горнодобывающих предприятиях или организациях аборигенов, антропологи несут на своих плечах тяжелый груз ответственности за судьбу той или иной общины в целом. Речь идет об

---

<sup>1</sup> Данный текст является дополненной и переработанной версией выступления на семинаре "Теоретические и методологические изменения в социальной антропологии: франко-российский диалог". В текст включены фрагменты, опубликованные авторами во французском журнале "Genèse" (№ 74, 2009 г.). Мы выражаем благодарность издательству журнала "Genèse" за предоставленное право перепечатки данной статьи.

ответственности не только в научном, но и в социально-политическом смысле. Плохо сформулированные или даже ошибочные выводы отныне не просто становятся предметом теоретических научных дискуссий, они могут спровоцировать драматические события, выходящие за пределы научного поля деятельности. В подобном контексте работа антропологов приобретает совершенно иной ракурс, нежели исследования, представляемые лишь на суд критики коллег-ученых.

Подобная ситуация, сама по себе непростая, еще больше усугубляется дисциплинарной путаницей. Прежде всего, так называемые "академическая" и "прикладная" антропологии больше не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Обе они тесно переплетаются между собой благодаря совпадению фигурантов (одни и те же люди часто занимаются одновременно и фундаментальными исследованиями, и прикладной наукой), но прежде всего – благодаря теоретическому инструментарию, который используют ученые: антропологические теории познания неразрывно связаны с их практическим применением в данном контексте. Некоторые модели и теоретические концепции, созданные ранее академической антропологией, даже легли в основу юридических норм, регулирующих права коренных народов, в частности, в области предъявляемых прав на земельные владения (об этом речь пойдет ниже). Организации, в чье распоряжение ученый-антрополог предоставляет свои научные наработки, берут на вооружение антропологические теории, рассматривая их как непреложную истину, и принижают значение экспертизы, выполненной в рамках этой же науки, в случаях, когда она предлагает альтернативные модели.

Именно этот особенный контекст мы хотим проанализировать, обратившись к конкретному, но показательному примеру: судебному иску о предоставлении компенсации, предъявленному государству (его Северной Территории) группой живущих в западной пустыне Австралии аборигенов питжантжатар<sup>2</sup>. В результате этого судебного разбирательства (дело "Джанго против Северной Территории Австралии"), более известного под названием "Дело Юлара", в 2006 г. судья вынес решение в пользу Северной Территории, признав требования аборигенов необоснованными. Как мы увидим далее, особенно настораживающими являются аргументы, избранные судь-

---

<sup>2</sup> В других транскрипциях – "питьянтъяра" (Атлас языков мира. М., 1998); "бидьяндъяра" (Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М. Наука, 1986.) – прим. ред.

ей для отказа в удовлетворении иска. Опора на классические антропологические модели позволила ему свести на нет все новые доказательства, предоставленные суду. Сначала мы опишем принципы, согласно которым формулируются требования (в данном случае – на владение землей), затем кратко напомним исторические факты, позволяющие аборигенам добиваться исполнения требований, и покажем, что в деле "Юлара" судья взял на себя роль эксперта, прибегнув к описанию общества, с которым аборигены питжантжатжара не имеют ничего общего. Подчеркивая разницу между обществом, описанным современными антропологами, и моделью, воссозданной им самим на основе прочитанного материала, судья постановил, что социокультурные устои питжантжатжара противоречат их собственной традиции, и фактически отказал аборигенам в праве на компенсацию.

### Антропологическая экспертиза и требования аборигенов

Обратимся к источникам юридических норм, позволяющих аборигенам выдвигать требования по земельному вопросу. Небесполезно будет изложить сначала принципы их действия. Это сделает более понятной дальнейшую их критику. Простая, но важнейшая констатация: австралийская юридическая система основывается на принципе прецедентного права. Законодательство, естественно, существует, но законы всего лишь описывают общие правовые и процессуальные принципы. Каждый процесс и каждый вынесенный приговор уточняют, дополняют и порой даже существенным образом видоизменяют условия применения этих законов. Именно судебные разбирательства имеют наибольшую значимость, ибо они становятся примером для последующих процессов. Во время каждого нового процесса учитываются принятые ранее решения по сходным разбирательствам и заслушиваются мнения экспертов, объясняющих особенности данного судебного процесса, что позволяет прецедентному праву развиваться.

В случае требований по земельным вопросам главными сторонами конфликта являются государство и так называемые *Representative Bodies*, представляющие аборигенов. Эти "представительные организации" являются региональными структурами, признанными федеральной властью в качестве легитимных переговорщиков. Через своих адвокатов эти организации привлекают в качестве экспертов исследователей в области социальных наук (по большей части антропологов). Последние участвуют в судебном разбирательстве на двух

этапах. Сначала они собирают информацию, необходимую для переговоров или для судебного решения о принятии иска, и составляют так называемый *Connection Report* ("доклад об обоснованности иска"). Цель данного текста – показать суть и временную непрерывность традиционных культурных практик. Требования принимаются к рассмотрению только в том случае, если доказано, что современная территориальная и социальная организация структурным образом не отличается от той, что существовала до вступления в контакт с Британской империей. Подобный доклад должен, восстанавливая расширенную номинативную генеалогию, продемонстрировать преемственность поколений и физическую целостность подающей иск группы. Этот доклад должен также подтвердить культурную преемственность, выявляя природу связей между генеалогией и земельными территориями (мифология, ритуалы, экономика и т. д.). В общих чертах, речь идет о том, чтобы на основе собранных на месте данных, анализа архивных материалов (если таковые имеются) и сопоставления этих данных с антропологическими работами показать, что отношение группы-истца к земельным ресурсам, на которые эта группа претендует, не прерывалось и существенным образом не менялось с доколониальных времен. "Доклад об обоснованности иска" (настоящая этнологическая монография) передается затем для изучения противной стороне, т. е. государству.

Государство, в свою очередь, также обращается к антропологам. В этом случае, напротив, их задача состоит в том, чтобы показать, что физическая и культурная преемственность данной группы установлена быть не может.

Если антропологи приходят к выводу, что ситуация, описанная в "Докладе об обоснованности иска", может быть принята к рассмотрению, и если государство решает следовать их советам, в таком случае дело откладывается до проведения переговоров в Государственном суде по правам коренного населения на землю – *National Native Title Tribunal* (NNTT). Эта судебная инстанция не выносит никаких решений. Она направляет и поддерживает переговорный процесс между "Представительной организацией" (*Representative Body*) и государством. Если стороны достигают соглашения, производится реституция по обоюдному согласию. Если, напротив, антропологи, нанятые государством, обоснованно отклоняют доводы антропологов, представляющих *Representative Body*, тогда дело передается в Федеральный суд. Другие заинтересованные стороны – например, горнодобывающие предприятия – тоже могут обратиться к услугам

антропологов, работающих в основном с литературными и архивными данными, не осуществляя полевых исследований. Антропологи привлекаются и в качестве экспертов для выступления в суде. В данном случае термин "эксперт" предполагает определенный уровень объективности и непредвзятости, зафиксированный в регламентирующих текстах Федерального суда (Glaskin, 2004 : 1-12 ): антрополог не представляет более интересы группы аборигенов, государства или частных компаний, но обязан выступать в качестве "объективного" ученого, находящегося на службе правосудия. Таким образом, если во время составления доклада об обоснованности иска (*Connection Report*) антропологи фактически подчиняются стратегии, выработанной адвокатами "Представительной организации" (*Representative Body*), объединяя различную информацию и делая выводы, направленные на подкрепление их аргументации, то на процессе те же самые антропологи должны следовать принципу беспристрастности. Как и сами аборигены, антропологи являются ключевыми фигурами во время судебных слушаний.

### Использование классических антропологических моделей в прецедентном праве

Принцип однолинейного родства (основное положение структурного функционализма Радклифф-Брауна) стал общей моделью, интегрированной в прецедентное право, регулирующее требования на землю австралийских аборигенов (Gumbert, 1984). В соответствии с этим постулатом, антрополог (и, следовательно, суд) занимается поиском политических структур, поддерживающих территориальный баланс. Этот баланс выстраивается на основе принципов патрилинейного нисходящего родства, организующих общество в локальные группы и кланы. Задача эксперта – определить, что на локальном уровне представляет собой "орду" (по выражению Радклифф-Брауна) или "локальную родственную группу" (по выражению Лича). Говоря судебным языком, если антропологу, работающему для "Представительной организации", удастся доказать, что традиционной формой организации той или иной группы были патрилинейные кланы и землевладеющие группы, и что эта клановая организация существует до сих пор, то физическая и культурная преемственность считается, в общих чертах, установленной, и, соответственно, иск о признании земельных прав принимается к судопроизводству.

Использование этих принципов в прецедентном праве восходит к самому первому иску о признании земельных прав. В 1968 г. ёлнгу, проживавшие на полуострове Арнемленд и традиционно владевшие землями полуострова Гов, где обосновалась горнодобывающая компания Nabalco, подали против этой компании иск, чтобы вернуть себе права на землю. Слушания по делу "Милиррпум против компании Nabalco Pty Ltd" (1971 г.), известному под названием "Процесс по делу земельных прав полуострова Гов", проходили в Федеральном суде в 1970 г. Процесс ёлнгу проиграли, однако впервые судьей было признано существование общинного права. Благодаря этой радикально новой концепции, согласно которой аборигенное общество может быть организовано в соответствии с правовыми нормами, была создана комиссия, осуществившая ряд исследований. В результате в 1976 г. был принят закон "О земельных правах аборигенов на Северной Территории" (*Aboriginal Land Rights (Northern Territory) Act 1976 (ALRA)*), описывающий условия возвращения незанятых земель в собственность аборигенов. Эксперты-антропологи, привлеченные к делу о полуострове Гов (такие известные в науке фигуры, как Рональд М. Берндт и Уильям Е. Станнер), привязали систему общинного права к локализованным родам (являющимся одновременно владельцами и пользователями земель), исходя из представлений об однолинейном родстве. Правда, во время судебного разбирательства эти разработки ученых были опровергнуты свидетельствами самих аборигенов (Gumbert, 1984). Тем не менее, точка зрения Радклифф-Брауна, согласно которой генеалогическое наследование является организующим принципом в вопросе земельных прав, была воспроизведена в законе "О земельных правах", например, в разделе 3(1), где "владельцы по обычаю" определяются как "группа местного происхождения". С того момента аборигены, предпринимавшие какие-либо действия по земельному вопросу, обязаны были доказывать, что их жизнь организована в соответствии с данными принципами (Weiner & Glaskin, 2007 : 9-10). Закон "О земельных правах аборигенов" (ALRA) применялся исключительно на Северной Территории. Следующим этапом стал закон "О правах коренного населения" (*Native Title Act (NTA)*), принятый в 1993 г. после решения, вынесенного Высшей судебной палатой в деле "Мабо против штата Квинсленд" ("Мабо и Орс против штата Квинсленд", № 2, 1992). После этого разбирательства существование "обычного права на землю" было впервые зафиксировано в федеральном праве.

## Общество в понимании закона: традиция и преемственность

С помощью понятия "статус коренного жителя" ("*Native Title*") акт "О правах коренного населения" определяет условия, при которых права аборигенов (так, как они определяются их собственными законами) могут признаваться юридически. Эти нормы обычного права дают основание для юридического признания права на землю. Ограничивая свое действие в основном так называемыми "Свободными землями Королевства" (*Vacant Crownland*), то есть территориями, представляющими собой часть государственного имущества общего пользования, акт "О правах коренного населения" определяет также правила для заявителей, претендующих на земельную реституцию. Группы, инициирующие подобный судебный процесс, должны отвечать ряду требований. Во-первых, члены этой группы должны быть прямыми потомками группы аборигенов, жившей на оспариваемой теперь земле и владевшей ею (по обычному закону) в момент утверждения в Австралии британского господства. Господствующей моделью, позволяющей отвечать этому требованию, является принцип однолинейного родства, описанный выше. Кроме того, представители группы-истца обязаны доказать, что эти законы и обычаи по-прежнему организуют их общественную жизнь. И, наконец, последнее, но не менее важное условие – истцы должны доказать, что они представляют собой такое же общество, какое было описано в прецеденте дела "Йорта Йорта" ("Члены аборигенной общины йорта йорта против штата Виктория" [2002], HCA 58).

Термин "общество" (fr. *société* – *ped.*) включен отныне в текст закона "О правах коренного населения" (NTA) и применяется к группе аборигенов, обладающих комплексом законов и обычаев, на основе которых можно оценить правомочность их притязаний на землю. Подобные автохтонные законы и обычаи включают в себя, например, правила, которые регулируют приобретение и передачу земли, определяют лиц, которым земля может быть передана, и на каких условиях. Учитывая эту юридическую связь между обществом, законом и обычаем, нельзя забывать, что понятие "общество" имеет несколько смыслов: антропологический, юридический и обыденный, или повседневный (Pospisil, 1967). Для того чтобы обычное право на владение землей было признано, современное общество (которое должны представлять собой истцы) необходимо представить как идентичное тому, что существовало в момент начала колонизации. Очевидно, что

неоднозначность понимания термина "общество", а также вопрос о непрерывной преемственности этого общества, представляют собой серьезную проблему для антропологов, имеющих дело с требованиями аборигенов о восстановлении их прав на землю.

Прецедентом, за которым последовали наиболее существенные изменения закона "О правах коренного населения", заметно сузившие смысл самого понятия "обычное право", оказалось дело "Штат Западная Австралия против Уорд" (2000 г. и 2002 г.), называемое "делом Уорд". Это дело касалось мириуунг и гаджерронг, проживающих на северо-западе Австралии – в Кимберли. Благодаря этому прецеденту появилось понятие *bundle of rights*, буквально – комплекс или свод прав (Glaskin, 2003). Изначально законодательные рамки требовали от группы аборигенов доказательства того, что она является наследницей всей системы обычного права. Речь шла о том, чтобы показать культурную преемственность, в рамках которой социальные изменения, спровоцированные колонизацией, имели поверхностный, а не структурный характер. Однако дело "Уорд" показало, что обычное право на землю состоит из комплекса прав, которые должны быть подтверждены в отдельности. Например, доказательство того, что так называемое "традиционное" общество занималось охотой в момент установления британского господства, может привести к признанию права на охоту в нынешнее время. Доказательство того, что так называемое "традиционное" общество разбивало лагерь в том или ином месте, может привести к признанию его права на стоянку (проживание) в этом месте в наше время и т. д. Антропологи, составляющие "Доклад об обоснованности иска" должны теперь доказывать преемственность целого ряда обычных практик, пытаясь получить сначала одно право, затем другое и т. д., а не просто подтвердить существование обычного права в целом, как это происходило раньше. Мы описали общий контекст, вернемся теперь к делу, особенно нас здесь интересующему, к делу "Юлара".

## Дело "Юлара": когда антропологические модели оборачиваются против антропологов

В случае если работающие на стороне государства антропологи приходят к выводу, что "Доклад об обоснованности иска" не доказывает культурную и физическую преемственность данного общества, и если это мнение совпадает с мнением прокурора, дело передается на рассмотрение в Федеральный суд. В апелляционном порядке дела



рассматриваются Федеральным судом в полном составе (тремя судьями), а в качестве последней инстанции – Высшей судебной палатой. В каждом подобном случае предоставленные экспертами заключения базируются на антропологической модели однолинейного родства, ибо именно эта модель как нельзя лучше соответствует прецедентам предыдущих земельных исков и считается наиболее явным свидетельством существования "общества". В том случае, если подобную модель в действительности обнаружить сложно или даже невозможно, исследователи, тем не менее, под давлением адвокатов вынуждены предъявить свои наработки, отдавая предпочтение существованию генеалогических принципов, позволяющих определить комплекс формальных правил, которые суд теоретически может понять и принять. Этого не произошло в случае с иском питжантжатжара района Юлара. В этом деле эксперты-антропологи "Представительной организации" пошли на риск и представили суду описание той системы, которая существует в действительности. Далее мы увидим, что данная система несколько не похожа на однолинейную, далеко не универсальную для Австралии модель. Риск, как оказалось, действительно был слишком велик, ибо иск о земельной компенсации был раз за разом отклонен сначала Федеральным судом, затем Федеральным судом в полном составе в ноябре 2006 г. и окончательным решением от 6 июля 2007 г. По мнению судей, питжантжатжара не являются (или уже не являются) "обществом" в том смысле, которым наделяет его законодательство или прецедентное право, так как они не соответствуют критериям, установленным судебной процедурой.

Дело "Юлара" вызвало серьезную полемику среди антропологов (Dousset&Glaskin, 2007), разгоревшуюся вокруг двух основных вопросов. Первый касался понятия "общество" в определении закона "О правах коренного населения" и прецедента "Йорта Йорта". Применимо ли это понятие к культурному блоку Западной пустыни (частью которого являются питжантжатжара), где уже первые этнографические описания отмечали большую социальную и территориальную подвижность населения, подчеркивая отсутствие таких организаций, как "клан" или даже "племя"? Второй темой дебатов стал вопрос о целесообразности применения классических однолинейных моделей (связываемых с именем Радклифф-Брауна) к социальным структурам, которые, похоже, не поддаются подобному анализу. Вопрос о применимости этих моделей перерос (во время судебных слушаний и в процессе последовавшей затем полемики между антропологами) в конфликт между теми, кто придерживался уже про-

веренных временем доказательств (к которым мы еще вернемся) и теми, кто ратовал за новые доказательства, представленные в недавних исследованиях (Sutton 2006, 2007; Sansom 2007; Burke 2005, 2007; Glaskin 2007; Keen 2007; Morton 2007; Sackett 2007; Dousset et Glaskin 2007). Заметим, что среди упомянутых ученых Питер Саттон был одним из антропологов, привлеченных к работе организацией аборигенов, Бэзил Сэнсом выступал в роли эксперта со стороны Северной Территории, а Джон Мортон представлял федеральные власти. Отметим также, что во время слушаний в последней инстанции федеральной стороной было принято решение не прибегать к услугам независимых экспертов, ограничившись экспертными заключениями, подготовленными представителями сторон.

Проанализировав отчеты и выслушав свидетельства экспертов, судья связал воедино два вопроса. Прежде всего, он согласился считать регион Западной Пустыни "обществом" (несмотря на наличие там не менее сорока диалектных групп), не видя необходимости выявлять различия внутри этого культурного блока, чтобы констатировать тот факт, что жители региона подчиняются комплексу собственных правил и законов, организующих их общественную жизнь. В противовес мнению экспертов-антропологов, которые проводили полевые исследования у питжантжатжара, судья решил, что нормы обычного права, организующие данное общество, основываются на патрилинейности, то есть на однолинейной системе родства. Однако, отметил он, сегодня эта патрилинейность отсутствует. Из чего судья заключил, что культурная связь между так называемым "традиционным" обществом и обществом современным не прослеживается. В соответствии с установлениями акта "О правах коренных народов" (NTA), это отсутствие непрерывности исключает любую возможность получения компенсации и притязаний на возврат земель в собственность. Протицируем один из выводов судьи:

"Не было представлено доказательств того, что законы и обычаи, соблюдаемые и признаваемые жителями Западной Пустыни в настоящее время, достаточно схожи с законами и обычаями, которые соблюдались жителями Западной Пустыни в момент установления британского господства в регионе. В частности, я делаю вывод о том, что традиционные законы и обычаи Западной пустыни соответствовали принципу патрилинейного родства, свидетельства о котором в деле практически отсутствуют" (Дело "Джанго против Северной Территории Австралии" [2006] FCA 318, § 11).

Судья подкрепил свою аргументацию тем фактом, что представленные суду свидетельства, якобы, были беспорядочными, что и позволило ему констатировать разрушение культурного комплекса, то есть изменение культурных традиций на протяжении времени, и, соответственно, отсутствие обычного права (дело "Джанго против Северной Территории", § 272). Изучение показаний аборигенов, а также отчетов экспертов-антропологов, действительно показывает, что предъявленные суду материалы не содержат указаний на существование однолинейной модели родства, основанной на клановой системе и неотчуждаемых правах собственности, а также подтверждает наличие некоторых противоречий в представленных документах. В то же время, эта явная разнородность как нельзя лучше соответствует этнографической реальности Западной Пустыни, как в наши дни, так и в доколониальный период.

Многие исследователи критиковали понятие "традиционной собственности" в том смысле, в котором оно было закреплено сначала в тексте закона "О земельных правах аборигенов в Северной территории" (ALRA), затем в акте "О правах коренного населения" (NTA), так как это понятие подразумевало серьезные ограничения в проведении полевых исследований, а также в формулировке исковых требований земельной реституции (Maddock, 1982; Rumsey, 1996). Как мы уже упоминали, эта антропологическая модель берет начало в структурно-функционалистском подходе, превалировавшем в анализе родства и территориальной организации в эпоху, когда процессуальные нормы и законодательство только устанавливались (Weiner&Glaskin, 2006 : 2 ). Преимущественное внимание к патрилинейным группам породило ряд сложностей ввиду многообразия существующих в Австралии социо-территориальных организаций. Конечно, Лестер Р. Хайятт еще в 1962 г. заговорил о неприменимости данной модели (Hiatt, 1962). Невозможно не вспомнить его выступление на первой конференции "Человек-охотник" ("Man the Hunter". Hiatt, 1968), где в присутствии Радклифф-Брауна и Леви-Стросса он деконструировал доминирующие теории, предлагая взамен этнографический подход, отражающий различные проявления социальной динамики. Невозможно не вспомнить и ответ Клода Леви-Стросса, единственным аргументом которого был традиционный для него тезис о культурном упадке и главенстве правила над практикой (Lévi-Strauss, 1968 : 211). Судьи, однако, интерпретируют данное разграничение между правилом и практикой совершенно иным способом, нежели антропологи. С точки зрения судей, модели действительно отображают правила,

которые организуют общество, а не являются простой теоретической абстракцией. То, что Леви-Стросс или Радклифф-Браун называют правилом, для судей является синонимом практики – по меньшей мере, практики нормированной и ожидаемой.

Во вступительной части мы говорили о том, что споры о применимости патрилинейных моделей в Австралии, о главенстве правила как структурной логики над практической жизнью людей, организуемых определенными социальными рамками, и т. д., являются теоретическими дискуссиями, т. е. внутренним делом специалистов-антропологов. Как правило, эти споры не выходят за рамки научного мира. Спор между Леви-Строссом и Хайяттом, возникший на научной почве, теоретически не должен был вызвать особого интереса среди самих аборигенов или среди судей, устанавливающих их право на существование как общества или же наоборот, отказывающих им в этом праве. Но не так обстоит дело в Австралии, где судьи и адвокаты знают и читают работы антропологов, привлекают ученых в качестве свидетелей и экспертов и принимают теоретические модели за объективную реальность. Антропологические дискуссии вышли за рамки научной деятельности и стали достоянием общественности. Именно основываясь на универсальности классической модели Радклифф-Брауна, судья, выносивший решение по делу "Юлара", объявил о существовании групп патрилинейного родства в Западной пустыне. Этих групп в действительности никто там никогда не видел, даже если некоторые утверждали обратное. Чтобы доказать ошибочность судейского решения, необходимо теперь описать этнографическую реальность. Подчеркнем также, что под этнографической реальностью мы понимаем то, что мы действительно наблюдали и анализировали, и что не противоречит представлениям аборигенов о самих себе.

Питжантжатжара – одна из сорока диалектных групп, составляющих то, что со времен антрополога Берндта (Berndt, 1959) называется "культурным блоком Западной пустыни", покрывающим более 600 тыс. км<sup>2</sup>. С того времени, как они стали объектом изучения, эти общества поставили перед антропологами ряд серьезных проблем. Если в других регионах могли применяться (порой не без серьезных этнографических искажений) радклифф-брауновские модели, "африканистское" понимание племени или структуралистские концепции родства, то Западная пустыня, казалось, не поддавалась какой-либо теоретической унификации в рамках австралийской этнографии. Эти общества в основном определялись в терминах "отсут-

ствия" (Dousset, 2003): отсутствие социальных категорий, благодаря которым в других местах, казалось, организовывались родство и социальная жизнь; отсутствие клановой системы; отсутствие локальных групп; отсутствие принципов потомственного родства; отсутствие глобальных единиц, таких как "племя" и т. д. Леви-Стросс, по всей видимости, испытывал замешательство перед этой системой и отнес ее к "абберрантным" системам (Lévi-Strauss, 1967 : 231 и след.).

Эти теоретические проблемы являются следствием использования не внушающих особого доверия этнографических источников, касающихся данного региона, начиная с работ Адольфуса П. Элкина (Elkin, 1931, 1938-1940). В 1930 г. Элкин, по поручению Радклифф-Брауна (бывшего с 1925 по 1931 гг. директором единственной на всю Австралию кафедры антропологии в Сиднее) отправился на юг Австралии с тем, чтобы составить приблизительный список систем родства в районах к западу и северу от реки Маррей. В течение года Элкин посетил множество племен и культурных областей и собрал немало безусловно интересных, но все же довольно поверхностных данных. Влияние Радклифф-Брауна на коллег было значительным, о чем свидетельствует его переписка с другим антропологом, Дональдом Томсоном (Peterson 2006). Элкин не стал исключением из правила, пытаясь описать все многообразие обнаруженных им систем родства с помощью типологии, разработанной его учителем. Заметно, однако, что данные, собранные в Западной пустыне, с трудом поддавались интерпретации (Dousset 2002-2003). Не сумев выделить и четко обозначить пространственные группы и понять их социально-территориальное устройство (Elkin, 1938-1940 : 203), Элкин объединил всех проживающих западнее племени арада под общим именем "алюриджа" (Ibid., 204, 424), или просто "западная группа" (1931 : 60), дабы подчеркнуть их очевидную культурную схожесть, не давая при этом содержательного определения. Территориальную подвижность и отсутствие четких границ между этими племенами Элкин попытался представить как следствие миграционных процессов (Elkin, 1938-1940 : 203, 295 и след.). Безусловно, миграция, и в особенности взаимодействие культур в этом регионе были и остаются значительными (Dousset, 2005). И все же это недостаточное объяснение особенного способа организации этих племен.

Возьмем, к примеру, диалектную группу нгаатдатдарра, соседей питжантжатжара, хорошо нам известную благодаря длительным полевым исследованиям. Диалектная группа не является ни племенем, ни даже группой лиц, которых можно определить по их лингвисти-

ческой принадлежности. Лингвисты доказали, что устанавливать географические границы в зависимости от диалектов не имеет смысла по двум основным причинам. Первая заключается в большой мобильности индивидуумов и семей, вторая – в градуированной (а не четкой и явной) лингвистической разнице. Невозможно даже определить с точностью диалект того или иного отдельно взятого человека (Miller, 1971 ; Douglas, 1971). Оппонируя Элкину, Тиндэйлу и другим предшественникам, пытавшимся воссоздать в Западной пустыне классическую "австралийскую" модель, Берндт предлагал называть наблюдаемые там единства (пусть даже временного характера) "обществами", а не "племенами".

Названия этих диалектных групп отражают скорее языковую непрерывность, нежели замкнутые целостности. Например, название "питжантжатжара" обозначает людей, употребляющих слово "питжа" в значении глагола "идти". Они отличают себя от янкунитжатжара, употребляющих в том же значении глагол "янкуни". В то же время люди нгаатжатжарра, несмотря на то, что они употребляют слово "питжа" для обозначения глагола "идти", используют слово "нгаатжа" для обозначения указательного местоимения "это", тем самым отличаясь от людей, живущих дальше, к западу, обозначающих это же местоимение словом "нгаанья". Даже внутри группы питжантжатжара (в частности, среди тех людей, что живут в западной части пустыни), представители нгаатжатжарра отличаются от нингатжатжара, так как нингатжатжара употребляют слово "ньянгатжа" в значении "это", однако и те, и другие употребляют слово "питжа" в значении глагола "идти" и т. д. и т. п. Это жонглирование отличительными критериями, включающее в ту или иную группу то одних, то других, характерно для всего комплекса Западной пустыни. Тем не менее, с приходом миссионеров эти названия были официально закреплены в некоторых регионах уже с начала 1920-х гг., но особенно после создания административных органов, осуществлявших переписи населения, в ходе которых графа "племенная принадлежность" была обязательной для заполнения. Для нгаатжатжарра, до их первого продолжительного контакта с Западом в 1956 г., имена собирательные следовали скорее принципу топонимии. Название "патжангурау", например, означало человека, жившего в месте Патжара ("нгурау" указывает на предложный падеж") с тремя женами и детьми, составляя тем самым небольшую резидентную группу района Патжара.

Мы употребляем выражения "резидентная группа" и "региональная группа", так как те реалии, которые обычно обозначаются терминами "локальная группа" или "локализованный род", отсылающими к однолинейному родству, не находят соответствия в Западной пустыне. Вплоть до шестидесятых годов люди жили здесь небольшими группами, которые состояли из нуклеарной семьи (родители и дети), одного или нескольких приемных детей и иногда стариков. Это были хозяйственные группы, совместно потреблявшие продукты их собственного производства. Несколько резидентных групп составляли то, что мы называем "региональными группами". Это совокупность лиц, которые, благодаря географической (и зачастую генеалогической) близости, регулярно вступали в контакт друг с другом для обмена информацией и продукцией, а также для совместного исполнения ритуальных церемоний, связанных с природным миром и местом их проживания.

Эти объединения резидентных групп, которые мы называем региональными группами, как правило, являлись экзогамными. Хотя экзогамия основывалась одновременно на пространственном и генеалогическом критериях, заявленным правилом был, прежде всего, пространственный критерий, ибо в идеале брачные связи стремились устанавливать с удаленными семьями, входившими в другие региональные группы. Тем не менее, даже если эти группы были составлены из резидентных единиц и даже если при заключении брака отдавалось явное предпочтение принципу экзогамии, члены данных групп не становились автоматически владельцами того пространства, по территории которого они кочевали. Право на владение землей приобреталось и до сих пор приобретается благодаря сочетанию определенных критериев, а не наследственным путем. Оно всегда определяется по отношению к конкретным местам, некоторые из которых могут находиться далеко от места проживания человека, а не к областям или границам. Количество мест, с которым человек может быть связан, возрастает по мере личного опыта. Место зачатия (то есть место, где, как считается, дух ребенка поселился в теле матери, чтобы превратиться затем в человека), место рождения, место длительного проживания, телесные сходства с мифологическими героями, знания мифологии и песнопений, связанных с определенными местностями, место инициации, места длительного проживания родителей, а также прародителей – все это дает индивиду определенные права в пределах этих мест. Так постепенно пространство все больше соотносится с человеком, география социализируется. Одним из

личных имен человека становится название места, с которым он связан, и это место может быть обозначено путем упоминания этого человека. В то же время, в другом контексте и в разговоре с другими собеседниками то же самое место может быть названо по имени какого-то другого лица. Ни один человек или группа людей не являются исключительными владельцами того или иного места, и ни одно место не указывает на принадлежность к нему какого-то одного человека. Коллективная или родовая собственность, наследуемая и передаваемая, эксклюзивная собственность и право запрета на доступ к тем или иным местам или целым регионам, т. е. признаки, характеризующие группы локального родства радклифф-брауновской модели, к данному региону неприменимы.

Некоторые ученые объясняют данную подвижную систему владения землей сложнейшими природными условиями региона. Действительно, земельная организация, основанная на патрилиниях, способных наложить запрет на доступ к земле, была бы нежизнеспособной в условиях риска (непредсказуемые проливные дожди, возможная нехватка природных ресурсов) (Keen, 1997 : 66.). Как писал Роберт Тонкинсон (Tonkinson, 1991 : 65) о марду (еще одна группа Западной пустыни), "местная организация отличается своей гибкостью и подвижностью, она не требует установления границ и эксклюзивных форм групповой принадлежности". Отстаивание эксклюзивности, подчеркивает автор, обернулось бы для данных групп саморазрушением (см. также Poigier, 1992 : 759; Sackett, 1975; Myers, 1990). Вопреки соображениям Бэзила Сэнсома (Sansom, 2007), поборника универсальности однолинейной модели и защитника традиционных источников информации (которым, как мы уже видели, не всегда можно доверять), доминирующая этнографическая ситуация в этой культурной области не содержит и намека на существование патрилинейной модели ни в наше время, ни в "добританскую" эпоху, насколько позволяют судить об этом имеющиеся источники.

Мы упомянули этнолога Бэзила Сэнсома (2007: 78-79) в связи с его участием в процессе "Юлара против Северной Территории", на котором он выступал в качестве эксперта-антрополога со стороны Северной Территории, а также потому, что он поддержал сделанное судьей заключение. Бэзил Сэнсом утверждает, что "никто не предложил убедительного и обстоятельного объяснения тому, почему давнишние антропологические исследования, с постоянством констатируя существование патрилинейной модели, теперь должны считаться "ошибочными"". Для Сэнсома все просто: "продикто-



ванное здравым смыслом правило заключается в том, чтобы считать более старые источники наилучшими". Позиция, схожая с убеждениями Леви-Стросса.

Мы уже говорили о том, что "современные" источники по Западной пустыне, добытые этнологами начиная с шестидесятых годов XX в., наоборот, являются источниками "старыми", результатом длительных исследований и что все эти источники описывают земельную систему, не организованную на основе групп потомственного родства. Теперь нам предстоит также доказать, в чем заключается ошибочность так называемых "старых" источников. Мы остановимся исключительно на тех, на которые опирался судья в своем решении: некоторые заметки Элкина и работы Тиндэйла.

В стенографическом отчете слушаний по делу "Юлара" говорится, что Элкин проделал "обширную полевую работу" (§130). Тем не менее, хорошо известно, что в работе Элкин использовал метод "краткого опроса" (Burke 2005: 212). Вспомним также, что именно в результате этих кратких и часто поверхностных исследований была описана так называемая система родства "алуриджа" (Западной пустыни), создавшая столько проблем для теории родства. Вспомним также, что именно по просьбе Радклифф-Брауна в 1930 г. Элкин изучал многочисленные племена и группы штата Южная Австралия.

Таким образом, Элкин не создает нам особых проблем: во-первых, потому что этнография его бедна; во-вторых, потому что он никогда открыто не заявлял о существовании однолинейных групп родства. В случае с Тиндэйлом все обстоит немного сложнее. Натуралиста по образованию, Нормана Б. Тиндэйла особенно интересовала территориальная организация аборигенных обществ, и в течение нескольких десятилетий он работал над составлением карты, определяя географические границы австралийских племен (Tindale, 1940, 1974). Несколько раз он непродолжительное время работал среди членов групп Западной пустыни, записал там несколько генеалогий, сделал фотографические снимки отдельных лиц, картографировал места и зафиксировал тотемы людей. Соотнося эти тотемы с топонимией, Тиндэйл сделал вывод о существовании тотемических кланов, которые, как ему показалось, были патрилинейными и которые обуславливали территориальную организацию. Согласно этой системе, вместе с тотемом, передаваемым от отца к сыну, к последнему переходят и права на земельный участок первого (что и вызвало подозрения в патрилинейности).

Питер Саттон и Петронелла Ваарзон-Морел (Sutton & Vaarzon-Morel, 2003), эксперты-антропологи, представлявшие во время процесса "Юлара" аборигенов, вновь пересмотрели все записи Тиндэйла и продемонстрировали суду, что случаи, когда у сына оказывался идентичный отцовскому тотем, были чрезвычайно редки. Кроме того, в своих опубликованных работах и, в частности, в основной, на которую ссылался судья во время процесса "Юлара" (Tindale, 1988 [1972]), Тиндэйл практически не опирался на свои собственные этнографические записи. Вместо того чтобы проанализировать имеющийся у него богатый материал, Тиндэйл экстраполировал отдельные характерные черты и воспроизвел традиционное общество, совпадающее с доминирующими антропологическими моделями. Его заключения о происхождении социальных категорий в этом регионе страдают неточностями. Он говорил о локализованных родах без описания их сути и указания имен, составив, в то же время, подробную карту с указанием многих автохтонных топонимов. Он полагал, что язык питжантжатжара уже превращается в своего рода *lingua franca* всего региона (чего так и не произошло до сих пор). Тиндэйл предположил также, что язык Западной пустыни является очень древним, в то время как лингвисты считают, что он сформировался менее чем полторы-две тысячи лет тому назад (Tindale, 1988 [1972]) и т. д. И наконец, Тиндэйл заявил, что питжантжатжара живут небольшими патрилинейными группами, приобретающими тотемы по наследству. Это утверждение выглядит особенно интригующим, поскольку известно, что единственными настоящими тотемами региона являются тотемы зачатия и что, по крайней мере, со времен Фрезера и Дюркгейма, известно также, что этот тип тотема не передается по наследству. Анализируя данные, записанные Тиндэйлом в 1933 г., Питер Саттон (Sutton, 2006) показывает, что всего лишь в девяти случаях из девяноста семи тотем или место рождения отца или матери совпадали с тотемом или местом рождения по крайней мере одного их ребенка. В одном лишь случае данные иллюстрировали однолинейную модель Тиндэйла.

Сложно объяснить, почему Тиндэйл настаивал на этой модели, в то время как собранный им самим материал доказывал обратное. Однако очевидно, что, анализируя соседнюю с питжантжатжара группу нгаатжатжарра, которой он приписывал существование идентичной социо-территориальной модели, Тиндэйл не располагал никакими данными, которые позволили бы ему сделать подобный вывод. Мы проанализировали полевые записи 1935 и 1963 гг., которые Тиндэйл

привез из своих кратких поездок, и сравнили их с генеалогией того же (и более раннего) периода, которую мы лично составили. И если даже генеалогические данные, собранные Тиндэйлом (за исключением некоторых редких случаев) совпадают с нашими, то все же ни данные Тиндэйла, ни наши собственные не позволяют увидеть в них какую-либо систему родства. Модели социотерриториальной организации, которыми мы обязаны в первую очередь Радклифф-Брауну, в работах Тиндэйла взяли верх над этнографической реальностью. Против течения плыть порой сложно.

### Несколько слов в заключение

Наша критика использования некоторых антропологических моделей в австралийских законодательных текстах совсем не означает, что мы отказываем антропологии в способности производить объективные знания. Этого мы не утверждаем ни в этой, ни других наших работах. Предмет наших критических высказываний заключается в том, что, независимо от инструментария, процедуры и контекста, позволяющих выработать знание, это знание может стать юридическим доказательством только в особенном и обусловленном контексте и обладает всего лишь относительной научной ценностью: судьи не являются антропологами и наоборот.

Проблема заключается еще в том, что структурно-функционалистские теории были интерпретированы в качестве естественных (а значит, универсальных для Австралии) законов. Подразумевалось, что эта модель полностью соответствует практике, и что любое местное правило может одновременно считаться универсальным законом. На наш взгляд, эта интерпретация была взята на вооружение юристами по двум основным причинам. Во-первых, потому что такое понимание позволило определить, какая именно система обычного права будет представлена как традиционная и универсальная. Во-вторых, при подобной интерпретации предпочтение было отдано старым источникам, а не современным полевым исследованиям. Современные источники подозревают в том, что они могут невольно отразить социальные изменения (которые прецедентное право должно как раз принимать во внимание), и потому они априори считаются политически ангажированными.

Во избежание подобных проблем, Ховард Морфи (Morphy, 2006) предложил разграничить (самим судом и в интересах суда) два типа антропологического участия в судебных разбирательствах. С одной

стороны – то, что он называет "фактами": систематическая компиляция данных, являющихся лишь отчасти результатом научного анализа. С другой – "антропологические модели и обобщения", что некоторыми судьями было определено как "конструкции". К сожалению, подобное разделение не всегда возможно, так как сама компиляция данных часто уже содержит в себе и разные модели, и обобщения, но еще и потому, что судьи слишком часто интерпретируют модели как наблюдаемые факты и рискуют смешать понятия "факты" и "модели", предложенные Ховардом Морфи.

Обосновывать предъявляемые аборигенами земельные иски сложно не только с эпистемологической точки зрения. Прежде всего, это процесс, тесно связанный с историей антропологических подходов к проблеме и с их оценкой судебными органами. Прецедентное право и правила подачи земельных исков, требующие от аборигенов незыблемости их социокультурных традиций, замедляют развитие самих антропологических теорий и моделей. Процедуры и механизмы признания законности исковых требований значительно ограничивают свободу действий эксперта и группы аборигенов, которые должны составить социокультурное описание, подтверждающее непрерывное существование их обычных практик. В этом латентном конфликте между современной антропологией и судебной системой находит свое подтверждение следующая особенность: определенные формы работы антрополога тесно увязаны с политической целесообразностью, а потому от способности антропологии адекватно реагировать на политические вызовы будет зависеть ее будущее. Современный антрополог в Австралии (как, быть может, и в других местах) находится в ситуации, во многом определяющей будущее развитие событий, однако ситуация эта весьма щекотливая.

## Библиография

- BERNDT Ronald M. 1959. "The concept of "The Tribe" in the Western Desert of Australia ", *Oceania*, vol. 30, n° 2 : 81-107.
- BURKE Paul. 2005. " *Law's Anthropology : from Ethnography to Expert Testimony in Three Native Title Claims* ", PhD, The Australian National University.
- 2007. "The Problem when Flexibility is the System", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 162-165.

- DOUGLAS Wilfrid H. 1971. " Dialect Differentiation in the Western Desert – A Comment ", *Anthropological Forum*, vol. 3, n° 1 : 79-82.
- DOUSSET Laurent. 2002. " Accounting for Context and Substance : the Australian Western Desert Kinship System ", *Anthropological Forum*, vol. 12, n° 2 : 193-204.
- 2003. " On the Misinterpretation of the Aluridja Kinship System Type (Australian Western Desert) ", *Social Anthropology*, vol. 11, n° 1 : 43-61.
  - 2005. *Assimilating Identities : Social Networks and the Diffusion of Sections*. Sydney, Oceania Publications, monograph 57.
  - et Katie GLASKIN. 2007. " Western Desert and Native Title : How Models Become Myths ", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 127-148.
- ELKIN Adolphus P. 1931. " The Social Organisation of South Australian tribes ", *Oceania*, vol. 2, n° 1 : 44-73.
- 1938-1940. " Kinship in South Australia ", *Oceania*, vol. 8, n° 4 : 419-452 ; vol. 9, n°1 : 41-78 ; vol. 10, n° 2 : 198-234 ; vol. 10, n° 3 : 295-349 ; vol. 10, n° 4 : 369-89.
- EVANS-PRITCHARD Edward E. 1950. " Social Anthropology, Past and Present. The 1950 Marett Lecture ", *Man*, vol. 50 : 118-124.
- GLASKIN Katie. 2003. " Native Title and the "Bundle of Rights" Model. Implications for the Recognition of Aboriginal Relations to Country ", *Anthropological Forum*, vol. 13, n° 1 : 67-88.
- 2004. " An Anthropological Perspective on Writing for the Court ", *Land, Rights, Laws : Issues of Native Title*, vol. 2, n° 29 : 1-12.
  - 2007. " Manifesting the Latent in Native Title Litigation ", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 165-168.
- GUMBERT Marc. 1984. *Neither Justice nor Reason. A Legal and Anthropological Analysis of Aboriginal Land Rights*. St Lucia, University of Queensland Press.
- HIATT Lester R. 1962. " Local organization among the Australian Aborigines ", *Oceania*, vol. 32, n° 4 : 267-286.
- 1968. " Ownership and Use of Land among the Australian Aborigines ", in Richard B. Lee et Irwen DeVore (éd.), *Man the Hunter*. Chicago, Aldine : 99-102.
- KEEN Ian. 1997. " The Western Desert vs the Rest : Rethinking the Contrast ", in Francesca Merlan, John Morton et Alan Rumsey (éd.),

- Scholar and Sceptic : Australian Aboriginal Studies in Honour of LR Hiatt*. Canberra, Aboriginal Studies Press : 65-93.
- 1999. " The Scientific Attitude in Applied Anthropology ", in Sandy Toussaint et Jim Taylor (éd.), *Applied Anthropology : Australasia*. Perth, The University of Western Australia Press : 27-59.
  - 2007. " Sansom's Misreading of "The Western Desert vs. the Rest" ", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 168-170.
- LEACH Edmund R. 1951. " The Structural Implications of Matrilinear Cross-cousin Marriage ", *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 81 : 24-53.
- LEVI-STRAUSS Claude. 1967 [1947]. *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris, Mouton.
- 1968. " Gidjingali Marriage Arrangements : Comments and Rejoinder ", in Richard B. Lee & Irwen DeVore (éd.) : 210-211.
- MADDOCK Kenneth. 1982. " Aboriginal Land Rights Traditionally and in Legislation : A Case Study ", in Michael Howard (éd.), *Aboriginal power in Australian society*. St Lucia, University of Queensland Press : 55-78.
- MALINOWSKI Bronislaw. 1929. " Practical Anthropology ", *Africa*, vol. 2, n° 1 : 22-38.
- 1938. *Methods of Study of Culture Contact in Africa*. Londres, Oxford University Press for the International African Institute of African Languages and Cultures (International Institute of African Languages and Cultures. Memorandum XV).
- MCCALL Daniel F. 1980. " Radcliffe-Brown vs. Historical Ethnology : The Consequences of an Anthropological Dispute for the Study of Africa's Past ", *The International Journal of African Historical Studies*, vol 13, n° 1 : 95-102.
- MCCONVELL Patrick. 1990. " The linguistic Prehistory of Australia : Opportunities for Dialogue with Archaeology ", *Australian Archaeology*, vol. 31 : 3-27.
- MILLER Wick R. 1971. " Dialect Differentiation in the Western Desert Language ", *Anthropological Forum*, vol. 3, n° 1 : 61-78.
- MORPHY Howard. 2006. " The Practice of an Expert : Anthropology in Native Title ", *Anthropological Forum*, vol. 16, n° 2 : 135-151.
- MORTON John. 2007. " Sansom, Sutton and Sackville : Three Expert Anthropologists ? ", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 170-173.

- MYERS Fred R. 1990. "Always Ask: Resource Use and Land Ownership among Pintupi Aborigines of the Australian Desert", in William H. Edwards (éd.), *Traditional Aboriginal Society*. Melbourne, Macmillan : 96-112.
- PETERSON Nicolas. 2006. "“I can't follow you on this horde-clan business at all” : Donald Thomson, Radcliffe-Brown and a Final Note on the Horde", *Oceania*, vol. 76, n° 1 : 16-26.
- POIRIER Sylvie. 1992. "Nomadic Rituals : Networks of Ritual Exchange between Women of the Australian Western Desert", *Man*, vol. 27, n° 4 : 757-776.
- POSPISIL Leopold 1967. "Legal levels and multiplicity of legal systems in human societies" *Conflict resolution*, vol. XI, n°1 : 1-26.
- RADCLIFFE-BROWN Alfred R. 1929. "Historical and Functional Interpretations of Culture in Relation to the Practical Application of Anthropology to the Control of Native Peoples", *4th Pan-Pacific Sciences Congress*, vol. 3 : 537-538.
- 1956. "On Australian Local Organization", *American Anthropologist*, vol. 58, n° 2 : 363-367.
- REINING Conrad C. 1962. "A lost period of applied anthropology", *American Anthropologist*, vol. 64, n° 3 : 593-600.
- RUMSEY Alan. 1996. "Aspects of Native Title and Social Identity in the Kimberleys and Beyond", *Australian Aboriginal Studies*, vol. 1996, n° 1 : 2-10.
- SACKETT Lee. 1975. "Exogamy or Endogamy : Kinship and Marriage at Wiluna, Western Australia", *Anthropological Forum*, vol. 4, n° 1 : 44-55.
- 2007. "A Potential Pathway", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 173-175.
- SANSOM Basil. 2007. "Yulara and Future Expert Reports in Native Title Cases", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 71-92.
- SUTTON Peter. 2006. "Norman Tindale and Native Title. His Appearance in the Yulara Case", *The 2006 Norman B Tindale Memorial Lecture*. Adelaide, South Australian Museum. <http://www.wling.arts.-kuleuven.be/fll/eldp/sutton/2006nbt.pdf>
- 2007. "Norms, Statistics and the Jango Case at Yulara", *Anthropological Forum*, vol. 17, n° 2 : 175-184.
- et Petronella VAARZON-MOREL. 2003. *Yulara Anthropology Report*. Alice Springs, Central Land Council.

TINDALE Norman B. 1935. " Journal and Sociological Cards of the Anthropological Expedition to Warburton Range, Western Australia, July-September 1935 ", South Australian Museum, Adelaide.

- 1940. " Results of the Harvard-Adelaide Universities Anthropological Expedition, 1938-1939. Distribution of Australian Aboriginal Tribes : A field survey ", *Transactions of the Royal Society of South Australia*, vol. 64, n° 1 : 140-231.
- 1963. " Journal and Genealogies of Visit to the Rawlinson Range Area in the Great Western Desert, 24 October – 25 November 1963 ", South Australian Museum, Adelaide.
- 1974. *Aboriginal Tribes of Australia*. Berkeley, University of California Press.
- 1988 [1972]. " The Pitjandjara ", in Marco G. Bicchieri (éd.), *Hunters and Gatherers today. A Socioeconomic Study of Eleven such Cultures in the Twentieth Century*. New York ; Londres, Waveland Press : 217-268.

TONKINSON Robert. 1991 [1978]. *The Mardu Aborigines: Living the Dream in Australia's Desert*. New York, Holt, Rinehart & Winston, (1<sup>re</sup> éd., *The Mardudjara Aborigines : Living the Dream in Australia's Desert*).

WEINER James F. et Katie GLASKIN. 2006. " Introduction : the (re-)Invention of Indigenous Laws and Customs ", in *The Asia Pacific Journal of Anthropology*, vol. 7, n° 1, numéro special, J. F. Weiner et K. Glaskin (éd.), " Custom : Indigenous Tradition and Law in the Tweny-First Century " : 1-13.

- 2007. " Customary Land Tenure and Registration in Papua New Guinea and Australia : Anthropological Perspectives ", in J. F. Weiner et K. Glaskin (éd.), *Customary Land Tenure and Registration in Papua New Guinea and Australia : Anthropological Perspectives*. Canberra, The Australian National University Press : 1-14.